

ТРАЕКТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА XIX–XX ВЕКОВ

УДК 821.161.1-3(Карамзин Н. М.). DOI 10.26170/FK20-02-11. ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,4.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.01

Н. М. КАРАМЗИН И АРЗАМАСЦЫ (К ПРОБЛЕМЕ «Н. М. КАРАМЗИН И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ»)

Фрик Т. Б.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1406-0616>

А н н о т а ц и я. Исследование направлено на решение актуальной для современного литературоведения задачи – воссоздание на основе документальных данных реальной картины общественных, бытовых и литературных связей Н. М. Карамзина. В данной работе тема «Н. М. Карамзин и арзамасцы» рассматривается в аспекте личных отношений историографа с членами «Арзамасского общества безвестных людей», входившими в его ближайшее окружение, исследование нацелено на определение значимости в данных взаимоотношениях арзамасского контекста. В статье систематизированы исследовательские подходы, в рамках которых рассматривается деятельность «Арзамаса». Определен круг арзамасцев, наиболее близких историографу, прослежена история контактов Карамзина с арзамасцами в период существования общества и после его распада. Обоснован вывод о наличии собственно карамзинского арзамасского «сюжета», нашедшего отражение в его письмах последнего десятилетия жизни и характеризующегося взаимопроникновением арзамасского и дружеского контекстов, а также на основе эпистолярного наследия и арзамасских произведений охарактеризован образ Н. М. Карамзина, транслируемый арзамасцами, который отражал его общественную и творческую репутацию и был значимым для идеологии «Общества». Сделан вывод о том, что история личных связей Карамзина с каждым из членов «Арзамаса» не может быть рассмотрена без учета арзамасского контекста, поскольку он накладывает отпечаток на реальные взаимоотношения, на интерпретацию событий их участниками.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русские писатели; литературное творчество; литературные связи; арзамасцы.

NICOLAI M. KARAMZIN AND THE ARZAMAS MEMBERS (ON THE PROBLEM OF “N. KARAMZIN AND HIS CIRCLE”)

Tatyana B. Frik

National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1406-0616>

A b s t r a c t. The study aims at solving an issue that is relevant for modern literature studies, such issue is the recreation of Nikolai Karamzin's public, every day and literary relations, recreation bases on documentary data. The paper focuses on the subject “Nicolai M. Karamzin and the Arzamas members” in the aspect of personal rela-

tions of historiographer with the "Arzamas Society of Unknown People", who was in his inner circle, and the study aims to define the significance of the Arzamas context in this relations. The paper systemizes research approaches studying the "Arzamas Society" activity. Based on the epistolary heritage and Arzamas' works, the features of Karamzin's image that are significant for the ideology of "Arzamas" are characterized. The author determines the members of Arzamas closest to the historiographer and traces the history of the relationship between Karamzin and the Arzamas during the existence of society and after its collapse. The article proves that Nikolai Karamzin had his own Arzamas plot, and he reflected this plot in the letters of his life in the last decade. The interpenetration of Arzamas and friendship contexts characterize this Arzamas plot. Also on the basis of epistolary legacy and Arzamas' writings, the author characterizes Karamzin's image transmitted by the Arzamas members. This image reflected his social and creative reputation and was significant for the "Society" ideology. The paper concludes that the history of Karamzin's relations with each member of Arzamas cannot be considered without taking into account the Arzamas context, since it leaves its mark on real relationships, on the interpretation of events by context participants.

Key words: Russian writers; literary creation; literary relations; Arzamas.

Для цитирования: Фрик, Т. Б. Н. М. Карамзин и арзамасцы (к проблеме «Н. М. Карамзин и его окружение»). – Текст : непосредственный / Т. Б. Фрик // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 2. – С. 126–136. – DOI: 10.26170/FK20-02-11.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00292А «Н. М. Карамзин и его окружение».

Круг общения Н. М. Карамзина не единожды становился предметом научных изысканий, что неудивительно, т. к. без рассмотрения родственных, литературных, дружеских и другого рода связей невозможно изучать биографию и творчество писателя, в связи с этим актуальным направлением исследовательской работы является подготовка полного сводного собрания персональных справок о современниках, с которыми Н. М. Карамзин общался в течение своей жизни, включающих биографические данные, информацию о хронологии и характере взаимоотношений с историографом. Изучение окружения Н. М. Карамзина в настоящее время ведется параллельно с составлением хроники его жизни и творчества, а также является предметом научных статей [Сапченко 2017; Беспалова 2019; Сапченко 2020]. Для решения поставленной задачи необходимо уточнить, систематизировать, проанализировать и дополнить существующие данные о карамзинском окружении, соотнести их с его творческой, общественной и личной жизнью, ее знаковыми событиями. Одним из таких значимых фактов в творческой и личной биографии рос-

For citation: Frik, T. B. (2020). Nicolai M. Karamzin and the Arzamas Members (on the Problem of "N. Karamzin and His Circle"). In *Philological Class*. Vol. 25. No. 2, pp. 126–136. DOI: 10.26170/FK20-02-11.

Acknowledgments: the research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project No. 19-012-00292A "Nicolai M. Karamzin and those who know him".

сийского историографа являются его взаимоотношения с «Арзамасским обществом безвестных людей».

Ключевое значение для изучения «Арзамаса» как культурного и общественного явления имеют материалы, подготовленные М. С. Боровковой-Майковой и Д. Благим и опубликованные в книге под названием «Арзамас и арзамасские протоколы» [Арзамас 1933]. В фундаментальных, не теряющих своей актуальности исследованиях М. И. Гиллельсона [Гиллельсон 1974; Гиллельсон 1977], который ввел общепризнанный сегодня термин «арзамасское братство», и В. Э. Вацуру [Арзамас 1994; Вацуру 1994] представлена история формирования и существования этого общества, дана оценка его специфики и роли в развитии литературы, собраны сведения об участниках кружка и материалы, связанные с его деятельностью. «Арзамас» в современном литературоведении определяется как поэтологическое, эстетическое и даже фундаментальное явление для пушкинской эпохи [Лебедева 2017: 270]. Традиционно деятельность арзамасского общества соотносится с полемикой беседчиков и карамзинистов [Благой 1933],

важным исследовательским аспектом также является рассмотрение арзамасской поэтики, ее влияния на творчество участников «Арзамаса» и на развитие литературного процесса в целом ([Проскурин 1996; Литературное общество «Арзамас» 2015; Лукьянович 2004] и др.). В исследовании М. Л. Майофис сделан акцент на анализе литературной, политической и эстетической позиции, так называемого, консервативного крыла «Общества»: Д. Н. Блудова, С. С. Уварова и Д. В. Дашкова, подчеркивается политическое значение арзамасского объединения [Майофис 2002].

При изучении «Арзамаса» исследователи ожидаемо обращаются к Н. М. Карамзину, но при всем том, что на сегодняшний день накоплено большое количество материалов, комплексное, целенаправленное освещение темы «Н. М. Карамзин и его арзамасское окружение» до сих пор не осуществлено. Самая общая характеристика взаимоотношений историографа с членами «Общества» с акцентом на несовпадении взглядов, жизненных ценностей историографа и его представителей «Арзамаса» дана в работе Ю. М. Лотмана «Сотворение Н. М. Карамзина» в главе «Одинокое путешествие» [Лотман 1987: 293–308]. Предпринято внушительное количество исследований, освещающих связи Н. М. Карамзина с имеющими отношение к «Арзамасу» людьми ([Кочеткова 1987; Рыкова 1997; Ларионова 1997; Степанищева 2000] и мн. др.). Однако до сих пор актуальной исследовательской задачей остается систематизация сведений о его взаимоотношениях с отдельными членами арзамасского кружка, реконструкция их хронологии, определение характера личных связей на основе документальных свидетельств и уже осуществленных исследований.

В работе тема «Н. М. Карамзин и арзамасцы» рассматривается в аспекте личных отношений историографа с членами «Общества», входившими в его ближайшее окружение, исследование нацелено на обобщение и анализ фактов, отражающих данные взаимоотношения, и определение значимости в них арзамасского контекста.

При обращении к указанной теме возникает сложность отграничения области ее рассмотрения от исследования, например, дружеских, родственных и земляческих свя-

зей Н. М. Карамзина, что обусловлено объективными причинами: со многими членами «Арзамасского общества безвестных людей» историограф был очень хорошо знаком до образования «Общества» и плотно общался после того, как оно распалось. Нет нужды говорить о его близости с П. А. Вяземским, И. А. Тургеневым, В. А. Жуковским, И. И. Дмитриевым (почетным гусем «Арзамаса»), А. А. Плещеевым, с которыми его связывали дружеские, с кем-то даже родственные отношения. Благодаря тесному общению с П. А. Вяземским и И. И. Дмитриевым, Карамзин мог быть знакомым с Д. П. Севериным с его отрочества, с Д. Н. Блудовым он знакомится в 1804 г. [Беспалова 2019: 41], с 1810 г. тесно общается с К. Н. Батюшковым, с 1811 г. в переписке с С. С. Уваровым, в 1812 г. знакомится с Д. В. Дашковым, с 1814 г. знает Ф. Ф. Вигеля [Сапченко 2017: 53]. И все же можно говорить о том, что на фоне дружеских связей, петербургских знакомств, литературной полемики в жизни Н. М. Карамзина разворачивается особый арзамасский «сюжет».

В протоколах заседаний «Арзамаса» и других арзамасских документах зафиксировано личное участие Н. М. Карамзина в заседаниях «Общества» в 1816 г. (заседания 11 ноября и 24 декабря) [Арзамас 1933: 280], одно из заседаний 1816 г. между концом января и концом марта, протокол которого не сохранился, было посвящено чествованию историографа арзамасским обществом [Арзамас 1933: 29]. Также есть документальные свидетельства, указывающие на присутствие Н. М. Карамзина на заседаниях 6 января и 16 марта 1817 г., вместе с другим природным арзамасцем М. А. Салтыковым, на заседании 22 апреля, а также на встречах московского «Арзамаса» [Арзамас 1933: 280]. Присутствие историографа вдохновляет его молодых приятелей, так, В. А. Жуковский пишет И. И. Дмитриеву 18 февраля 1816 г.: «У нас здесь праздник за праздником. Для меня же лучший из праздников: присутствие здесь нашего почтенного Николая Михайловича Карамзина <...> он обращает в чистое наслаждение сердца то, что для большей части есть только безпокойное удовольствие самолюбия <...> И можно сказать, что у меня в душе есть особенно хорошее свойство, которое называется Карамзиным: тут соединено

все, что есть во мне доброго и лучшего» [Сукайло 2008: 305]. А. И. Тургенев сообщает Вяземскому о своей поездке «к животворящему источнику, то есть к Карамзиным в Царское Село» [Остафьевский архив 1899: 119]. Тому же адресату К. Н. Батюшков с восхищением напишет: «Карамзин, право, человек необыкновенный, и каких не встречаем в обоих клубах Москвы и Петербурга, и который явился к нам из лучшего века, из лучшей земли. Откуда – не знаю» [Батюшков 1989, II: 445].

Арзамасцы – активные слушатели глав из карамзинской «Истории». Хроника жизни историографа в 1816 г. [Сапченко 2017] отражает цепочку встреч «молодых приятелей» и Н. М. Карамзина, в том числе посвященных чтением фрагментов его исторического труда. Факты чтения «Истории» перед арзамасцами также зафиксированы в письмах 1816 г. Так, А. И. Тургенев, передавая свои впечатления после прослушивания предисловия и одной из глав «Истории» С. И. Тургеневу, пишет: «Право, нет равного ему историка между живыми, да и между мертвыми равных немного» [Сапченко 2017: 53], с ним не согласен его брат, Н. И. Тургенев: «Что касается до Карамзина, то я по самым суждениям брата о его истории заключаю мало о ней выгодного, т. е. хорошего, либерального и след<овательно> полезного» [Декабрист 1936: 182]. Значимость арзамасской аудитории в чтениях отрывков его труда не раз подчеркивается самим Н. М. Карамзиным: «A propos d'histoire: читал ее Арзамасцам два раза у Катерины Федоровны <...> действие удовлетворяло моему самолюбию. Сказать правду, здесь не знаю ничего умнее Арзамасцев: с ними бы жить и умереть» [Неизданные сочинения 1862: 165]. Интересно, что в письме к А. И. Тургеневу, говоря о В. А. Жуковском, Н. М. Карамзин практически слово в слово повторит: «Жуковский есть истинный наш брат. С такими людьми хорошо жить и умереть! Да здравствует Арзамас!» [Москвитянин 1855, I: 155]. Известно также высказывание Карамзина в письме к жене, относящемся к периоду его пребывания в Петербурге в ожидании встречи с Александром I: «Здесь из мужчин всех любезнее для меня Арзамасцы: вот истинная Русская Академия, составленная из молодых людей умных с талантом! Жаль, что они не в Москве или не в Арзамасе» [Не-

изданные сочинения 1862: 160]. В этом же году в Царском селе слушателем карамзинской истории становится и А. С. Пушкин [Сапченко 2017: 69]. Арзамасцы являются хранителями историографа в нелегкое для него время придворной жизни. Интересно в этом смысле письмо П. А. Вяземского А. И. Тургеневу от 27 ноября 1816 г.: «Николай Миколайвич как-то скучает у вас. Вам, Арзамасцам, должно лелеять его и, согревая арзамасским солнцем, не допускать до него холодный ветер Невы» [Остафьевский архив 1899: 64].

Также арзамасцы становятся свидетелями еще одного важного события в биографии Н. М. Карамзина: его выступления на торжественном собрании Императорской Российской Академии, им же (Жуковскому, Н. И. и А. И. Тургеневым, Пушкину) историограф предварительно зачитывает ее в Царском Селе [Остафьевский архив 1899: 123–124]. О выступлении Карамзина как о торжестве «Арзамаса» напишет А. И. Тургенев П. А. Вяземскому: «Это было торжество не Академии, но Арзамаса, ибо почетный гусь наш <...> как детей,ставлял своих слушателей с чувством, которое отзывалось в душах наших и оживляло лица» [Остафьевский архив 1899: 167].

Арзамасцы – спутники Н. М. Карамзина и вне его профессионального поприща и развернувшейся вокруг него полемики. Они проводят много времени вместе, так, например, в письме И. И. Дмитриеву Карамзин с воодушевлением рассказывает о посещении праздника в Петергофе: «Несмотря на ветер, довольно сильной, мы с женою, с детьми, с Тургеневым, Жуковским, Пушкиным (которые все у нас жили в Петергофе), сели на катер и носились по волнам Финского Залива часа два или более; одна из них облила меня с головы до ног – но мы были веселы и думали о том, как бы съездить морем подальше» [Сукайло 2008: 380]. В письмах Н. М. Карамзина своеобразным знаком теплоты и дружеского общения становится частое упоминание разговоров и встреч за чаем с друзьями-арзамасцами: «Думаем к 7 октября переехать в город, читать корректуры <...> пить чай с Тургеневым, Жуковским, Пушкиным» (письмо П. А. Вяземскому от 30 сентября 1818 г.) [Письма 1897: 63]; «Наши полумолодые приятели уже обедали и пили

чай с нами в Царском Селе: Блудов, Дашков, Северин» [Сукайло 2008: 570].

Важно, что в период особенно тесного общения с арзамасским кругом Н. М. Карамзин к своим давним друзьям обращается как к арзамасцам. В письме к В. А. Жуковскому он пишет: «Арзамасцы собираются и спрашивают друг у друга: где Светлана? Не знают и хмурят брови. Уста безмолвствуют: говорит только сердце, что Светлана едва ли светла душой в отсутствии» [Русский архив 1869, 9: Стб. 1383]. В другом письме от 1 ноября 1817 г. к тому же адресату основной каламбура станет арзамасское прозвище Д. В. Дашкова: «Искренно могу сказать, что всякое новое изящное произведение Светланы меня порадует. В самом деле, место прекрасно для вдохновения <...> Чу! NB. Это Чу! Есть здесь прилагательное, г. учитель!» [Русский архив 1868, 7–8: Стб. 1381]. В письме к П. А. Вяземскому от 30 апреля 1817 г. также возникает арзамасская ипостась адресата: «В последних двух Арзамасских собраниях много говорили об Асмодее» [Письма к Вяземскому 1897: 28–29]. Ярким примером взаимосвязи арзамасского и дружеского контекстов может служить письмо историографа к А. И. Тургеневу, которое написано после отъезда из Петербурга в марте 1816 г.: «Здравствуйте, мой любезный друг Арзамасец! Обнимаю вас с чувством нежности и признательности за все доброе, чем вы переполнили мою душу в течение моей петербургской пятидесятницы. <...> Всем нашим друзьям дружеский поклон – С. С. <Уварову>, Д. Н. <Блудову>, пусть они любят меня столько, сколько их люблю; более не требую» [Москвитянин 1855, I: 102–103]. Здесь, безусловно, важно отметить большое количество повторов семантически близких слов: «друг», «друзьям», «дружеский поклон», обращение к А. И. Тургеневу «друг арзамасец» также не случайно. Нужно сказать, что осознанность выбора средств выражения в письмах, в частности для обращения, свойственна Карамзину. Эту осознанность чувствовали и его адресаты. Подтверждением сказанного может стать примечание, сделанное А. И. Тургеневым к адресованному ему письму Карамзина от 18 мая 1824 г.: «Различие в летах между им и мною давало ему право не называть меня в своих письмах другом, несмотря на его дружбу ко мне. Но с той

минуты, как я был уволен от должности, все его письма начинаются словом „друг“. Это не простая случайность, а может объясниться лишь редким благородством характера, благородством, в котором вся жизнь Карамзина служит одним непрерывным свидетельством» [Карамзин 2009: 431].

Конечно, будет неверно говорить о полном согласии и взаимопонимании как между историографом и членами арзамасского общества, так и между самими арзамасцами. В этой связи трудно не согласиться с утверждением о существовании возрастных и идеологических барьеров между Карамзиным и арзамасским кругом (см. об этом: [Лотман 1987: 293–308]). Позиция «старшего» – наставника, ментора отдаляла историографа от его молодых приятелей, однако не отменяла дружеского участия (вспомним примечание к письму, сделанное А. И. Тургеневым), кроме того, в философском плане дружеские отношения не обязательно предполагают абсолютное согласие взглядов и отсутствие конфликтов. Все же с некоторыми арзамасцами, как например, с Н. И. Тургеневым, дружеских отношений не сложилось вовсе. Несмотря на то, что последний достаточно часто бывает у Карамзиных, спорит с братом С. И. Тургеневым о достоинствах «Истории государства Российского», отстаивая последние [Декабрист 1936: 261–262], отмечает талант, ум, благородную и возвышенную душу Карамзина, однако категорически не принимает его монархических воззрений и не прощает ему их. В частности, он так характеризует свое отношение к историографу: «Что касается меня, то я очень мало спорил с Карамзиным, так же, как и с другими, о превосходстве той или иной формы правления: но я чувствовал к нему антипатию и навсегда сохранил к нему неприязнь, потому что он не затронул в своем труде, вопреки своему долгу, вопрос, который никоим образом не мог нанести ущерб его культу самодержавия: вопрос о рабстве» [Тургенев 2001: 342]. Можно сказать, что Карамзин испытывал к Н. И. Тургеневу, а скорее к его политическим взглядам, схожие, хотя, по всей видимости, не настолько радикальные чувства, свидетельство чему можно найти в некоторых его письмах, в частности в письме к И. И. Дмитриеву от 28 ноября 1818 г., в ко-

тором также проявилось сложное отношение Карамзина к взглядам и настроениям одного из самых близких ему арзамасцев, П. А. Вяземского: «Тургенев реже показывается. Видел ли ты книгу о налогах его брата, Николая Ивановича? Он страшный либералист, но добрый, хотя иногда и косо смотрит на меня, потому что я объявил себя не-либералистом. И князь Петр в Варшаве пылает свободомыслием» [Сукайло 2008: 402].

Друзья-арзамасцы являются ближайшим кругом общения историографа в последнее десятилетие его жизни. Прежде всего это, конечно, П. А. Вяземский (Асмодей) и А. И. Тургенев (Эолова Арфа). В письмах историографа в связи с «Арзамасом» также постоянно упоминаются В. А. Жуковский (Светлана), Д. Н. Блудов (Кассандра), Д. В. Дашков (Чу!!!). Также к этому кругу необходимо отнести Д. П. Северина (Резвый кот) и К. Н. Батюшкова (Ахилл), В. Л. Пушкина (Вот) и его племянника А. С. Пушкина (Сверчок), А. А. Плещеева (Черный Вран), П. И. Полетику (Очарованный Челнок). Часто в письмах историографа наряду с именами друзей-арзамасцев встречается имя И. А. Каподистрии, которого Д. Н. Блудов в своих протоколах причисляет к «природным» (не избранным, «рожденным») членам «Общества» [Арзамас 1933: 36].

На особое место друзей, связанных с «Арзамасом», в своей жизни, неоднократно указывает в письмах сам Н. М. Карамзин: «У нас остался только Арзамас и типографии», – пишет историограф князю П. А. Вяземскому в 1817 г. [Письма 1897: 36]. В другом письме 1818 г. к тому же адресату Н. М. Карамзин с сожалением сообщает об отъезде молодых приятелей: «Арзамас разъехался: Блудов в Лондон, Тургенев в Москву на крестины новорожденного Александра, Батюшков в Тавриду, Политика в Америку. Какой расход на добрых людей!» [Письма 1897: 51]. Арзамасцы – это дружественный приют для семейства Карамзиных в Петербурге, в котором они чувствовали себя «как на станции» (Н. М. Карамзин И. И. Дмитриеву 11 июля 1818 [Сукайло 2008: 380]).

«Арзамасское солнце» согревает Н. М. Карамзина не только в период существования «Общества безвестных людей», молодые друзья историографа, как те, кто были рядом

(А. И. Тургенев и В. А. Жуковский), так и те, кто разъехались (Д. П. Северин, К. Н. Батюшков, Д. В. Дашков), занимают его мысли: «Северин должен быть в Италии или в Нисе, для поправления здоровья. Батюшков любит Римом и Неаполем; Блудов скучает Лондоном; Дашков официально осматривает Грецию. А здесь – Жуковского не вижу, Тургенева почти не вижу, хотя и люблю их всем сердцем. Я стар для молодых; и самые старики для меня молоды» [Сукайло 2008: 439]. При этом совершенно очевидно, что связь этих близких Карамзину людей с арзамасским братством не теряет для него актуальности, в письмах историографа они остаются объединенными под знаменем «Арзамаса» молодыми друзьями, так, например, в письме к И. И. Дмитриеву от 7 сентября 1822 г. историограф напишет: «Недавно Дашков (à propos d'Arzamas) ночевал у нас, и мы довольно поговорили о Востоке – а с Блудовым о Западе!» [Сукайло 2008: 540].

Постепенно по объективным причинам арзамасский дружеский круг Карамзина сужается, ближе всего к историографу по-прежнему остаются П. А. Вяземский и «верные Тургенев, Блудов, Жуковский» [Сукайло 2008: 555]. Не забывают его и другие, по его же выражению, «полумолодые приятели» – Д. П. Северин и Д. В. Дашков. Арзамасцы и на склоне лет историографа являются его ближайшим окружением, тем более остро для него их отдаление, о чем Н. М. Карамзин напишет И. И. Дмитриеву в 1825 г.: «У нас не много добрых сердечных приятелей: тем более жаль их. Северин женится на баронессе Мольтке, следственно и с ним почти разстанемся. Дашков редок; Блудова нет. Если будем живы, то можем остаться в совершенном единении <...> Высоко ценю дружбу и сердечную приязнь, а знакомства уже не прельщают меня» [Сукайло 2008: 620]. Не будет лишним упомянуть, что именно арзамасцы, А. И. Тургенев, Д. П. Северин, Д. Н. Блудов остаются рядом с историографом вплоть до его кончины, кроме того, последнему историограф доверил работу над двенадцатым томом «Истории государства Российского».

Нельзя не сказать о том, что не только «Арзамас» оберегал и защищал Н. М. Карамзина, но и Карамзин был хранителем, защитником и наставником своих молодых приятелей

лей. Широко известен факт его заступничества за молодого А. С. Пушкина, как в связи с вольными стихами последнего, так и ранее, перед лицейским начальством, которое хотело назначить молодому поэту самый последний, 14 класс. Он хлопочет за В. А. Жуковского, которого назначают учителем к великой княгине Александре Федоровне, по случаю чего А. И. Тургенев, имея в виду А. С. Шишкова, высказывается следующим образом: «арзамасец-Карамзин отстоял честь и славу Арзамаса, и козни халдейские не удались» [Остафьевский архив 1899: 82]. Делает наставления, касающиеся языка и стиля, П. А. Вяземскому, неустанно напоминает Блудову, Дашкову и Тургеневу в связи с их заграничной службой о долге перед Россией. Уже гораздо позже, после распада «Общества», просит за П. А. Вяземского в связи с его неурядицами по службе, поддерживает А. И. Тургенева после его увольнения от должности. Так же есть свидетельства причастности Н. М. Карамзина к продвижению Д. Н. Блудова по карьерной лестнице [Беспалова 2019: 39].

В письмах Н. М. Карамзина зафиксированы его глубокие переживания по поводу горестей и бед, настигающих его молодых друзей, из них мы узнаем о поддержке, которую он им оказывал. Историограф поражен несчастьем Северина, неожиданно потерявшего жену, с которой был счастлив совсем недолго. 27 июня 1818 г. Карамзин пишет И. И. Дмитриеву: «Знаешь о нещастии Северина? <...> Я два раза был у него на даче: видел его в изступлении; теперь он в глубокой горести <...> Какая судьба! <...> Повторим старую пословицу, что в здешней жизни щастье опасно» [Сукайло 2008: 379]. Позже 11 июля Карамзин сообщает, что трижды посетил Северина и надеется, что тот по молодости лет оправится от несчастья [Сукайло 2008: 380].

Карамзин очень обеспокоен судьбой К. Н. Батюшкова, который, находясь в России, часто бывал у него и очень нежно относился и к историографу, и к его семейству. В письмах к арзамасцам и близким им людям Батюшков неустанно просит напомнить о себе Карамзину и Екатерине Андреевне: «Карамзиным скажите, что я жив, то есть предан им всей душой» (А. И. Тургеневу 23 июня 1818 г.) [Батюшков 1989, II: 499]. В письмо к тому же адре-

сату в сентябре 1818 г. он включает послание «К творцу Истории государства Российского», в котором благословляет гений Карамзина «в глубоком, сладком умиленьи» [Батюшков 1964: 233–234]. Известно меланхолическое письмо Батюшкова Карамзину из Неаполя от 24 мая 1819 г., в котором поэт пишет историографу: «Ваши ласки и дружество глубоко запечатлены в моем сердце, которое здесь, на чужой стороне, отдыхает, помышляя о вас. Здесь я, кажется, живее чувствую цену вашу и тех сладких минут, которые провел у вас в Москве и Петербурге» [Карамзин 2009: 545]. В своем ответе Н. М. Карамзин, подхватывая настроение и манеру адресата, наставляя друга и поэта, выражает к нему самые теплые чувства: «Напишите мне ... Батюшкова, чтоб я видел его, как в зеркале, со всеми природными красотами души его, в целом, не в отрывках, чтобы потомство узнало вас, как я вас знаю, и полюбило вас, как я вас люблю» [Карамзин 2009: 548]. В своих письмах, рассказывая об арзамасцах, Н. М. Карамзин обязательно упоминает Батюшкова. По мере получения новостей о состоянии последнего усиливается беспокойство и грусть историографа: «Странной и жалкой меланхолик Батюшков едет на Кавказ», – пишет он И. И. Дмитриеву [Сукайло 2008: 495]. В письмах к П. А. Вяземскому Карамзин рассказывает о том, что друзья делают для Батюшкова все возможное, сетует на безнадежность его выздоровления: «Видим Батюшкова с горестью. Один Бог может исцелить его» [Письма 1897: 126]; «Батюшков, готовясь умереть, писал к брату и к Н. М. Муравьеву, трогательно называя первого будущим своим другом. Грустно и жалко до глубины сердца» [Письма 1897: 139].

Рассматривая взаимоотношения Н. М. Карамзина с членами арзамасского братства, в большей степени дружеские, иногда сложные и противоречивые, в отдельных случаях отмеченные недопониманием, нельзя не сказать о том, что они особым образом преломляются в идеологии арзамасского общества.

«Арзамас» собирается вокруг и под знаменем Н. М. Карамзина, в связи с чем в литературной продукции периода существования «Общества», в письмах и воспоминаниях его участников и близких им людей выкристаллизовывается цельный образ Н. М. Карамзи-

на, который, что важно, проникает в контекст бытового общения участников «Общества», и одновременно с этим становится эмблемой, средством идеологической борьбы. Арзамасский образ историографа отражает наиболее яркие грани его литературной и общественной репутации и в то же время становится декларационной базой арзамасского братства, собиравшегося, по воспоминаниям С. С. Уварова, «вокруг Карамзина, которого они признавали путеводителем и вождем своим» [Арзамас 1994, I: 37].

Карамзин в арзамасских документах и произведениях – кроткий мудрец, арзамасский патриарх, почетный гусь, счастливый любовник истории, лучший из людей, он, по воспоминаниям С. С. Уварова, «как старший брат, с кроткою улыбкою и ясным взором, примером и советами научал <...> трудиться, размышлять, писать <...> скромный и благодушный характер <...> не позволял ему выказывать того же авторитета в личных отношениях с молодыми писателями: он был первым между равными, старшим братом в литературной их семье» [Арзамас 1994, I: 33]. Арзамасцы и связанные с их кругом люди, которые, нужно сказать, не всегда являлись почитателями историографа, особо отмечают кротость и благодушие Карамзина. В этом смысле показательным замечание Н. И. Греча, свидетельства которого, как известно, во многом определяют его собственными интересами и поэтому достаточно субъективны: «Гораздо легче было ладить с самим Карамзиным, человеком кротким и благодушным, нежели с его иступленным сеидами» [Арзамас 1994, I: 135]. Конечно, арзамасцы, а вслед за ними и авторы воспоминаний о деятельности кружка, мифологизировали Карамзина, превращая его образ в эмблему арзамасского общества, в этом смысле своеобразная «сакрализация» Н. М. Карамзина – это факт арзамасского игрового поведения (см. об этом [Проскурин 1996]). В то же время нельзя не сказать о том, что близкие арзамасской идеологии карамзинские черты во многом соответствовали как ценностям и принципам самого Н. М. Карамзина, так и его литературной и общественной репутации.

Сердечная чувствительность, душевность и чистота как отличительные качества Карам-

зина отмечаются в воспоминаниях членов «Арзамаса», шуточных протоколах «Общества», поэтических и прозаических посланиях его участников. Весьма характерен в этом отношении пример из коллективного арзамасского послания: «Известно нам, что сердце Вашего Высокородия, сие сокровище не беседное, своею чистотою подобится белому, едва оперившемуся гусенку, начинающему расправлять свои крылья и весело полоскаться в чистых водах отчизны, и что Ваш характер так же светел, как небо, сияющее над сим гусенком в красоте весенней» [Арзамас 1994, I: 352]. И здесь текст с определенной художественной и идеологической задачей очевидно соотносится с документальными свидетельствами восприятия арзамасцами личности историографа. Так, например, характеризует его Д. В. Дашков в письме П. А. Вяземскому от 26 ноября 1815 г.: «Письмо Ник.<олая> Мих.<айловича> к Тургеневу до слез меня тронуло: как видна в нем прекрасная душа его! Но он и в горести своей имеет верную отраду. Религия и философия будут его утешителями» [Арзамас 1994, I: 349]. В своих «Мыслях и характерах», написанных также в контексте «Арзамаса», В. Л. Пушкин отмечает, что в сочинениях Карамзина «не только приметны отличные его дарования, но и прекрасная его душа» [Арзамас 1994, II: 119].

Чистота души в карамзинском образе, созданном арзамасцами, сопрягается с указанием на его кротость. Это интересно, поскольку принцип Н. М. Карамзина не отвечать на критику и не вмешиваться в полемику воспринимался его близким кругом очень неоднозначно, некоторыми не принимался вовсе. Характерно в этом смысле замечание, которое делает А. И. Тургенев в письме к П. А. Вяземскому относительно выступления В. А. Жуковского в полемике с М. Т. Каченовским: «Арзамас отмстил за Карамзина одной эпиграммой, и спокойствие Карамзина обезоружило деятельность Жуковского: победа небольшая! Он собирался писать против Каченовского и, при виде холодного презрения Карамзина убедился в бесполезности ответа» [Остафьевский архив 1899: 120]. В свою очередь П. А. Вяземский призывает друзей не оставаться: «Напрасно Жуковский стиснул зубы: пусть кусает. Карамзину молчать, а нам

лять» [Остафьевский архив 1899: 121]. Однако в арзамасском творческом контексте именно это качество – кротость – помогает выгодно противопоставить идеологию, озаменованную именем историографа, полемическому объекту арзамасского кружка. Так, в своем поэтическом послании 1814 г. к П. А. Вяземскому и В. Л. Пушкину В. А. Жуковский напишет: «И тот же Карамзин, друзья, // Ранимый злобой, несраженный // И сладким лишь трудом блаженный. // Для нас пример и судия // <...> В минуту славного труда; // Он беззаботно ждет суда // От современников правдивых, // Не замечая и лица // Завистников несправедливых» [Арзамас 1994, II: 253]. Общественная и литературная репутация Н. М. Карамзина отразится и в воспоминаниях об «Арзамасе» А. С. Стурдзы, где историограф предстанет в образе приветливого и кроткого мудреца, «который в течение своей жизни умел так удачно соединять приятное с полезным и примером своим умерять все порывы личности самолюбивой» [Арзамас 1994, I: 51].

Принципиальной для арзамасцев в полемическом и идеологическом плане стала категория вкуса, воплощение которой они находили прежде всего в творчестве Н. М. Карамзина. Так, В. Л. Пушкин в письме П. А. Вяземскому от 22 ноября 1811 г. скажет: «Что мне диатрибы Шишкова, если слышу одобрения Карамзина и Нелединского? Я встал на защиту разума и вкуса» [Арзамас 1994, I: 174]. В своем по-своему программном письме к А. Ф. Воейкову В. А. Жуковский напишет: «Вяземский, Батюшков, я, ты, Уваров, Плещеев, Тургенев должны быть под одним знаменем: простоты и здравого вкуса <...> Министрами просвещения в нашей ре-

спублике пусть будут Карамзин и Дмитриев» [Арзамас 1994, I: 220].

Осмысление роли и места в истории культуры и литературы такой знаковой творческой личности, как Н. М. Карамзин, требует исследования круга современников, с которыми встречался и взаимодействовал писатель. Изучение окружения историографа позволяет более полно и точно не только описать его биографию, но и полнее раскрыть черты его личности. Как было показано в работе, общение с представителями «Арзамасского общества безвестных людей» – значимый факт творческой и личной биографии Н. М. Карамзина. Арзамасцы очевидно представляют собой особую группу карамзинских контактов, в связи с этим исследование хронологии и характера его взаимоотношений с такими представителями его ближайшего окружения, как П. А. Вяземский, И. А. Тургенев, В. А. Жуковский, Д. Н. Блудов, Д. В. Дашков, Д. П. Северин и др., не должны рассматриваться и описываться вне арзамасского контекста. При этом важно помнить, что поэтика, идеология, в целом арзамасская культура накладывает отпечаток как на личные взаимоотношения, так и на интерпретацию событий их участниками, соответственно, разграничение реальных личных отношений и идеологического, игрового плана при интерпретации документальных свидетельств является важной исследовательской задачей. Также отдельного осмысления требуют эстетические и идеологические воззрения Н. М. Карамзина относительно мировоззрения каждого арзамасца, что позволит наиболее полно охарактеризовать как его личные взаимоотношения с ними, так и дополнить и конкретизировать представления о взглядах историографа.

Литература

- Арзамас: сборник в 2 кн. – М. : Художественная литература, 1994.
Арзамас и арзамасские протоколы. – Л. : Издательство писателей в Ленинграде, 1933. – 303 с.
Батюшков, К. Н. Полное собрание стихотворений / К. Н. Батюшков. – М. ; Л. : Советский писатель, 1964. – 353 с.
Батюшков, К. Н. Сочинения : в 2 т. / К. Н. Батюшков. – М. : Художественная литература, 1989.
Благой, Д. Социально-политическое лицо Арзамаса / Д. Благой // Арзамас и арзамасские протоколы. – Л. : Издательство писателей в Ленинграде, 1933. – С. 5-20.
Беспалова, Е. К. «Прямой наследник Н. М. Карамзина»: Дмитрий Николаевич Блудов // Карамзинский сборник. «„История государства Российского“ Н. М. Карамзина в контексте русской и мировой культуры. К 200-летию выхода в свет первых восьми томов „Истории государства Российского“»: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Карамзинские чтения». – Ульяновск : ООО «Арт-Бюро», 2019. – С. 39-63.

- Вацуро, В. Э. В преддверии пушкинской эпохи / В. Э. Вацуро // Арзамас : сборник в 2 кн. – М., 1994. – Кн. 1. – С. 5-27.
- Гиллельсон, М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство / М. И. Гиллельсон. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1974. – 226 с.
- Гиллельсон, М. И. От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей / М. И. Гиллельсон. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1977. – 226 с.
- Декабрист Н. И. Тургенев: Письма к брату С. И. Тургеневу. – М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1936. – 588 с.
- Карамзин, Н. М. Полное собрание сочинений : в 18 т. / Н. М. Карамзин. – М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2009. – Т. 18: Письма. – 624 с.
- Кочеткова, Н. Д. Жуковский и Карамзин / Н. Д. Кочеткова // Жуковский и русская культура. – Л. : Наука, 1987. – С. 190–215.
- Ларионова, Е. О. Н. М. Карамзин по материалам архива братьев Тургеневых / Е. О. Ларионова // Новое литературное обозрение. – 1997. – № 27. – С. 132–167.
- Лебедева, О. Б. В. Э. Вацуро и «Арзамас»: опыт интерпретации и перспективы исследовательской концепции / О. Б. Лебедева // Жуковский: исследования и материалы : сборник научных трудов. – Томск : Издательство Томского университета, 2017. – Вып. 3. – С. 266–276.
- Летопись жизни и творчества Александр Пушкина : в 4 т. – М. : Слово, 1999.
- Литературное общество «Арзамас»: история и современность : сборник научных статей. – Арзамас ; Нижний Новгород : ООО «Растр», 2015. – 552 с.
- Лотман, Ю. М. Сотворение Карамзина / Ю. М. Лотман. – М. : Книга, 1987. – 338 с.
- Лукиянович, Е. А. Традиция «Арзамаса» в творческом наследии А. С. Пушкина (от лицейской лирики к роману «Евгений Онегин») : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Лукьянович Е. А. – Томск, 2004. – 22 с.
- Майофис, М. Л. Консервативное крыло общества «Арзамас»: литературная и общественно-политическая позиция С. С. Уварова, Д. Н. Блудова, Д. В. Дашкова : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Майофис М. Л. – Томск, 2004. – 22 с.
- Москвитянин. – 1855. – Т. I. – 196 с.
- Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина. – СПб., 1862. – Ч. 1. – 240 с.
- Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. – СПб., 1899. – Т. 1. – С. 735.
- Письма Н. М. Карамзина к князю П. А. Вяземскому 1810–1826 (Из Остафьевского архива). – СПб., 1897. – 204 с.
- Проскурин, О. А. Новый Арзамас – Новый Иерусалим. Литературная игра в культурно-историческом контексте / О. А. Проскурин // Новое литературное обозрение. – 1996. – № 19. – С. 73–128.
- Русский архив. – 1868. – Вып. 7–8.
- Русский архив. – 1869. – Вып. 9.
- Рыкова, Е. К. Тургеневы и Карамзин / Е. К. Рыкова // Карамзинский сборник. – Ульяновск, 1997. – Ч. 1. – С. 20–26.
- Сапченко, Л. А. 1816-й год в жизни Карамзина: материалы к летописи / Л. А. Сапченко // Пушкинский музей : альманах. – СПб. : Всероссийский музей А. С. Пушкина, 2017. – Вып. 8. – С. 46–105.
- Сапченко, Л. А. Рябинин и другие (К проблеме «Н. М. Карамзин и его окружение») / Л. А. Сапченко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2020. – № 2. – С. 97–107. – DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-97-107.
- Степанищева, Т. К проблеме литературного наставничества: Карамзин – Жуковский – Пушкин / Т. К. Степанищева // Пушкинские чтения в Тарту 2 : материалы международной научной конференции 18–20 сентября 1998 г. – Тарту, 2000. – С. 79–90.
- Сукайло, В. А. Труды и дни Ивана Дмитриева. 1760–1837 : хроника / В. А. Сукайло. – Ульяновск : Печатный двор, 2008. – 944 с.
- Тургенев, Н. И. Россия и русские / Н. И. Тургенев. – М. : ОГИ, 2001. – 742 с.

References

- Arzamas i arzamasckie protokoly* [Arzamas and Arzamas protocols]. (1933). Leningrad. 303 p.
- Arzamas: sbornik v 2 knigah* [Arzamas: a collection, in 2 Books]. (1994). Moscow, Khudozhestvennaya literatura.
- Batyushkov, K. N. (1964). *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [The complete set of poems]. Moscow, Leningrad, Sovetskii pisatel'. 353 p.
- Batyushkov, K. N. (1989). *Sochineniya: v 2 t.* [Works, in 2 vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura.
- Bespalova, E. K. (2019). «Pryamoj naslednik N. M. Karamzina»: Dmitrii Nikolaevich Bludov [“The direct heir of N. M. Karamzin”: Dmitry Nikolaevich Bludov]. In *Karamzinskii sbornik. «Istoriya gosudarstva Rossiiskogo“ N. M. Karamzina v kontekste russkoi i mirovoi kul'tury. K 200-letiyu vykhoda v svet pervykh vos'mi tomov „Istorii gosudarstva Rossiiskogo“: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Karamzinskii chteniya»*. Ulyanovsk, Art-Byuro, pp. 39–63.
- Blagoy, D. (1933). Sotsial'no-politicheskoe litso Arzamasa [The sociopolitical identity of Arzamas]. In *Arzamas i arzamasckie protokoly*. Leningrad, pp. 5–20.
- Dekabrist N. I. Turgenev: Pis'ma k bratu S. I. Turgenevu* [Turgenev N. I. the Decembrist: letters to his brother S. I. Turgenev]. (1936). Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 588 p.
- Gillel'son, M. I. (1974). *Molodoi Pushkin i arzamasckoe bratstvo* [Young Pushkin and Arzamas Brotherhood]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie. 226 p.

Фрик Т. Б. Н. М. Карамзин и арзамасцы (к проблеме «Н. М. Карамзин и его окружение»)

Gillel'son, M. I. (1977). *Ot arzamasskogo bratstva k pushkinskomu krugu pisatelei* [From Arzamas Brotherhood to the Pushkin's circle of writers]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie. 226 p.

Karamzin, N. M. (2009). *Polnoe sobranie sochinenii: v 18 t.* [The complete set of works, in 18 vols]. Moscow, TERRA-Knizhnyy klub. Vol. 18: Pis'ma. 624 p.

Kochetkova, N. D. (1987). Zhukovskii i Karamzin [Zhukovsky and Karamzin]. In *Zhukovskii i russkaya kul'tura*. Leningrad, Nauka, pp. 190–215.

Larionova, E. O. (1997). N. M. Karamzin po materialam arkhiva brat'ev Turgenevykh [Karamzin on the materials of the Turgenev brothers archive]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 27, pp. 132–167.

Lebedeva, O. B. (2017). V. E. Vatsuro i «Arzamas»: opyt interpretatsii i perspektivy issledovatel'skoi kontseptsii [V. E. Vatsuro and “Arzamas”: the experience of interpretation and the research conception perspectives]. In *Zhukovskii: issledovaniya i materialy: sbornik nauchnykh trudov*. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, pp. 266–276.

Letopis' zhizni i tvorchestva Aleksandr Pushkina: v 4 t. [The record of Alexander Pushkin's life and writing, in 4 vols.]. (1999). Moscow, Slovo.

Lotman, Yu. M. (1987). *Sotvorenie Karamzina* [The creation of Karamzin]. Moscow, Kniga. 338 p.

Luk'yanovich, Yu. A. (2004). Traditsiya «Arzamas» v tvorchestvom nasledii A. S. Pushkina (ot litseiskoi liriki k romanu «Evgenii Onegin») [“Arzamas” tradition in Pushkin's creative heritage (from lyceum lyric poetry to the “Eugene Onegin” novel)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk. 22 p.

Mayofis, M. L. (2004). *Konservativnoe krylo obshchestva «Arzamas»: literaturnaya i obshchestvenno-politicheskaya pozitsiya S. S. Uvarova, D. N. Bludova, D. V. Dashkova* [The conservative group of “Arzamas” society: literature, social and political position of S. S. Uvarov, D. N. Bludov, D. V. Dashkov]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk. 22 p.

Moskvityanin [Moskvityanin]. (1855). Vol. I. 196 p.

Neizdannyye sochineniya i perepiska Nikolaya Mikhailovicha Karamzina [Unpublished works and letters of Nikolai M. Karamzin]. (1862). P. I. 240 p.

Ostaf'evskii arkhiv knyazei Vyazemskikh: v 5 t. [Ostafyev archive of the Viazemsky Princes, in 5 vols.]. (1899). Saint Petersburg. Vol I. 735 p.

Pis'ma N. M. Karamzina k knyazyu P. A. Vyazemskomu 1810–1826 (Iz Ostaf'evskogo arkhiva) [Letters of Nikolai Karamzin to Prince Viazemsky 1810–1826 (from Ostafyev archive)]. (1897). Saint Petersburg. 204 p.

Proskurin, O. A. (1996). Novyi Arzamas – Novyi Ierusalim. Literaturnaya igra v kul'turno-istoricheskom kontekste [New Arzamas – new Jerusalem. Literary game in a cultural and historical context]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 19, pp. 73–128.

Russkii arkhiv [The Russian archive]. (1868). Vol. 7–8.

Russkii arkhiv [The Russian archive]. (1869). Vol. 9.

Rykova, Yu. K. (1997). Turgenevy i Karamzin [The Turgenev brothers and Karamzin]. In *Karamzinskii sbornik*. Ulyanovsk. Part 1, pp. 20–26.

Sapchenko, L. A. (2017). 1816-i god v zhizni Karamzina: materialy k letopisi [The year of 1816 in Karamzin's life: papers for the record]. In *Pushkinskii muzeum: al'manakh*. Saint Petersburg, Vserossiiskii muzei A. S. Pushkina. Vol. 8, pp. 46–105.

Sapchenko, L. A. (2020). Ryabinin i drugie (K probleme «N. M. Karamzin i ego okruzhenie») [Ryabinin and others (on the problem of “N. Karamzin and his circle”)]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*. No. 2, pp. 97–107. DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-97-107.

Stepanishcheva, T. (2000). K probleme literaturnogo nastavnichestva: Karamzin – Zhukovskii – Pushkin [To the issue of a literature mentoring: Karamzin – Zhukovsky – Pushkin]. In *Pushkinskie chteniya v Tartu 2: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 18–20 sentyabrya 1998 g.* Tartu, pp. 79–90.

Sukailo, V. A. (2008). *Trudy i dni Ivana Dmitrieva. 1760–1837: khronika* [Works and days of Ivan Dmitriev. 1760–1837: chronicle]. Ulyanovsk, Pechatnyi dvor. 944 p.

Turgenev, N. I. (2001). *Rossiya i russkie* [Russia and the Russians]. Moscow, OGI. 742 p.

Vatsuro, V. E. (1994). V preddverii pushkinskoi epokhi [In the lead-up to the Pushkin era]. In *Arzamas: sbornik v 2 kn.* Book I, pp. 5–27.

Данные об авторе

Фрик Татьяна Борисовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент отделения русского языка, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Россия).

Адрес: 634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 30.

E-mail: tfrik@tpu.ru.

Author's information

Frik Tatyana Borisovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Division for Russian Language, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia).